

A romantic scene featuring a young man and woman in a bed. The man is lying on his back, looking up at the woman. The woman is leaning over him, looking down. They are both wearing white clothing. The background shows a window with light coming through. The overall mood is intimate and romantic.

КИРА
ФАРДИ

МОЙ БОСС -
МОЙ ВРАТ?

Кира Фарди
Мой босс – мой враг?

«Автор»

2023

Фарди К.

Мой босс – мой враг? / К. Фарди — «Автор», 2023

Новое место работы, конкурс на вакантные места, и он сидит напротив, наглый, насмешливый, уверенный, что весь мир принадлежит ему. Его дерзкий взгляд прожигает до печёнок, ядовитые вопросы вызывают смятение, а голос почему-то кажется знакомым. Неужели это он, тот парень из прошлого? *** Она вошла, села на край стула, выпрямив спину, и я забыл, как дышать. Это она? Та самая девчонка, встреча с которой оставила шрамы в душе и на теле и врезалась в память навсегда. Не может быть! Таких совпадений не бывает. Эта история растворилась в той проклятой ночи... Или нет?

© Фарди К., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Женя	5
Глава 2. Женя	8
Глава 3. Тимур	11
Глава 4. Женя	16
Глава 5. Тимур	19
Глава 6. Женя	22
Глава 7. Женя	29
Глава 8. Женя	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Кира Фарди

Мой босс – мой враг?

Глава 1. Женя

Пять лет прошло с той зимней ночи, когда резко изменилась моя жизнь.

Что-то хрустнуло в душе, сломалось, и до сих пор не могу починить. Ясное будущее, в котором был расписан каждый день, превратилось в туманное нечто. Так и плыву по течению, вяло перебирая лапами, и не знаю, куда оно вынесет меня.

И стоит только закрыть глаза, как перед ними появляется незнакомый парень – мой ангел-спаситель, мой герой, которому я обязана жизнью. Даже не помню его лицо, так, фрагменты: высокий рост, блестящие в темноте глаза, татуировку на шее. Столкнусь с ним на улице, ни за что не узнаю.

Если она возможна, эта встреча...

Парень прижимает меня к стене дома, закрывает своим длинным телом от бьющего в лицо снега, и мокрые капли на его коротких, торчащих, как иголки, волосах блестят в лучах фонаря. Мои ноги обхватывают мощный торс: я скрестила их на спине, чтобы не упасть. Руки обнимают за шею. Незнакомец движется ритмично и громко стонет...

А я?

Я умираю от страха, хотя и знаю, что это простая имитация горячей страсти, спектакль для тех, что наблюдает за нами.

Их много.

Не знаю, сколько: память до сих пор выдаёт мрачные образы одним чёрным пятном.

Целая банда отморожков во главе с Карликом, приятелем двоюродного брата Степана.

Развязных, наглых, настроенных грабить, насиловать и убивать...

Я слышу их улюлюканье, подбадривающие крики и прикусываю до крови губу, чтобы сдержать рвущийся из глотки вопль ужаса, чтобы не разомкнуть руки, не свалиться кулем на мерзлую землю на растерзание волчьей стае.

– Закери, хватит уже! – смачный плевок сопровождается грубый окрик. – Оставь и нам тёлочку.

Первый раз слышу эту кличку. Неужели мой спаситель – один из этих... тварей? Вот-вот перестанет играть в героя и приступит к делу по-настоящему. А дальше...

Не хочется об этом думать.

Совсем.

Страшно.

Трясутся руки, дрожат ноги.

Только бы не упасть!

Ох, как страшно!

Парень ещё пару раз дергается и отпускает меня. Я все же теряю равновесие, но сильная рука удерживает от падения. Секунду он делает вид, что поправляет джинсы.

– На счёт «три» – беги! И не оглядывайся, – горячий шёпот шее.

– Что? – смотрю на него и сталкиваюсь с непроницаемой чернотой глаз.

Страх... Всепоглощающий, безумный, безотчетный страх... он парализует тело, высасывает силу воли. Ничего не соображаю.

Испуганно отвожу взгляд, вижу, как движется кадык на мощной шее и шевелит крохотную татуировку в форме китайского иероглифа, выколотую за ухом, чувствую влажное дыхание.

– Раз, два, три... Беги!
И я срываюсь с места...

* * *

– Женька, очнись!

Отшатываюсь от быстрого мелькания перед глазами, возвращаюсь в реальность. Подруга Линка скачет передо мной и машет руками.

– Опять вспоминала того парня? Ну, сколько можно? Хочешь, запишу тебя к психологу? Моя свекровь лучших в Москве знает. То... се... глядишь, и встряхнешься. Ты как соломенная вдова, заживо себя хоронишь неизвестно ради кого.

– Отстань, ладно? Со мной все нормально!

Я, и правда, в порядке. Почти...

Выбрасываю из головы грустные мысли, не хочется портить настроение. Сегодня произошло потрясающее событие: меня неожиданно пригласили на собеседование в компанию «Голдинвест».

Когда получила сообщение о дате интервью, не поверила своим глазам. Неужели? Свершилось!

Сердце взволнованно заколотилось и наполнилось надеждой. А вдруг получится изменить свою унылую жизнь! Даже если ничего не выйдет из этой затеи, все равно надо попробовать.

Зажмуриваюсь, представляя перспективы, открывшиеся передо мной, а потом трижды плюю через левое плечо.

Лишь бы не спугнуть удачу!

Лишь бы не спугнуть!

* * *

Вообще, я не планировала искать работу в больших компаниях.

Во-первых, это утомительное дело, особенно в крупном городе, где найти хорошее место – обеспечить себе безбедную жизнь.

Нужно составить резюме, разослать его по выбранным компаниям, фирмам и фирмочкам и ждать результата. Долго ждать. Замирать от каждого звонка или смс и радостно выдыхать, понимая, что звонят родные или друзья.

Во-вторых, для меня это дело не только утомительное, но и небезопасное: как только ко мне приближается мужчина, начинается приступ паники. В течение нескольких секунд спазм перекрывает дыхание, я не могу сделать вдох, хватаюсь за горло, хриплю, вращаю глазами и до смерти пугаю окружающих. Увы, это последствия той проклятой ночи, и как ни борюсь с ними, они возвращаются снова и снова.

Чтобы свести к минимуму такие контакты, я изучила таргетинговую рекламу в социальных сетях и теперь выполняю работу на дому. Постепенно смирилась со своей участью и даже стала получать от жизни удовольствие. Появились какие-то цели и планы на ближайшее будущее, но в них не было мужчин.

Ни одного!

Даже в отдалении.

Правда, на линии горизонта мелькал муж Лины, но я его совсем не интересовала. Сомневаюсь, что он вообще знал, кто я такая и что делаю возле его жены.

С Линой и Машей я дружу со времён университета. Даже не знаю, почему мы сошлись, две провинциалки и коренная москвичка, но нашли друг в друге что-то общее. Все однокурсники разбежались по своим дорогам, а наша троица по-прежнему держится вместе. Девчонки были недовольны моим выбором жизненного пути и по очереди принимались меня воспитывать.

– Скоро в крота превратишься, – ворчала на меня Линка. – День и ночь в монитор пялишься.

– Что поделаешь, – оправдывалась я. – У нас страна огромная, двенадцать часов разница между поясами, а заказчики живут везде.

– Ты же классный специалист, – всхлипывала Маша. – Такие проекты в универе делала, закачаешься! Не могу смотреть, как ты свой талант гробишь!

Вторила подругам и тетка Зина, двоюродная или даже троюродная сестра мамы, моя единственная московская родственница. Во время учебы в университете я жила у неё, но не даром, а отработывала ночлег и еду, работая в продовольственном магазине с громким названием «Мини-маркет».

– Женька, хватит дурака валять! – твердила тетя.

Мы разговаривали теперь только по телефону: после того случая наши добрые отношения затрещали по швам и развалились.

– Тетя, прости, не вернусь, – каждый раз отвечала я и чувствовала, как затруднялось дыхание.

– Я одна не справляюсь! Не дури, вспомни, за тобой должок! Из-за тебя Степка в тюрьму попал.

Это удар ниже пояса.

– Степка..., – судорожный вдох, – сам..., – воздух с трудом проникает в легкие, – винова...

И все! Вдоха больше нет.

Ужас близкой смерти охватывает меня, сознание почти отключается, но Маша, моя соседка по съемной квартире, бдит. Она вырывает из рук телефон, сует мне в рот баллончик с лекарством и кричит:

– Женька, дыши! Дыши, тебе говорят!

А потом прижимает к груди и гладит, гладит по плечам, как маленькую девочку, и плачет, пока я не вдыхаю полной грудью и не отстраняюсь.

– Я в порядке, пошли спать.

– Сегодня ты ляжешь со мной! – категорично заявляет Маша.

– Хорошо.

Спорить бесполезно: подруга будет всю ночь просыпаться и проверять, дышу я или нет. Это совершенно пустая затея, потому что ни разу приступ не начинался ночью, но я подчиняюсь, прижимаюсь к теплему боку подруги и опять погружаюсь в воспоминания.

Это был обычный вечер...

Глава 2. Женя

Я стою за кассой теткиного магазинчика и наблюдаю в монитор за мужчиной, который уже несколько минут топчется у прилавка с лапшой быстрого приготовления. Немного странный выбор, не самая необходимая покупка для ночи.

Хотя... о чем это я? Заправиться горячим «Ролтоном» и лечь спать без спазмов в голодном желудке – то, что надо.

И все же мне тревожно. Рядом с крупами находятся полки с хлебными изделиями, а там полно булочек, которыми легко можно перекусить. В холодильнике чуть подальше есть готовые ужины от местного кафе «Домашняя еда». Их готовить не надо, сунул в микроволновку и разогрел.

Нет, я не боюсь незнакомца. К столешнице снизу прикреплена тревожная кнопка. Нажав на неё, я не только вызову наряд полиции, но и напугаю воришку оглушительным сигналом, а сама скроюсь в потайной двери за спиной.

Кроме того, сын тети Зины, Степка, верховодит местной шпаной, поэтому никто с дурной мыслью не сунется в ее магазинчик, а посторонние здесь встречаются редко. За три года моей ночной работы ни разу не возникло проблем.

Правда, в последнее время кузен ходит мрачнее тучи: в его банде случился раскол. Его правая рука по кличке Карлик, Карлуша, Карла – настоящий говнюк. Силы, направленные небесами на развитие и рост, ушли у этого мерзавца в злобу ко всему живому. Вот он и решил подвинуть главаря с трона. Разразилась нешуточная война районного значения, и кто кого одолевает, пока неясно.

Несмотря на тревогу, настроение отличное. Сегодня последний день моей работы, а дальше... замуриваюсь от удовольствия, представляя свою новую жизнь, но тут же распахиваю глаза и пялюсь в монитор.

Незнакомец все стоит... И смотрит в одну точку, прямо на красную коробочку Ролтона. Влюбился в нее, что ли?

Чувствую себя неуютно. Если его прислал Степка для моей охраны, парень мог бы подойти и поздороваться. Ерзаю на стуле, мурашки бегут по спине. Может, спросить, что ему надо?

Приподнимаюсь и пытаюсь разглядеть лицо в просвет между стеллажами, но оно скрыто под глубоким капюшоном чёрной куртки. Лишь когда незнакомец поворачивает голову, мелькает кончик носа и небритая щека. Такого товарища в окружении братца не видела.

А, пусть стоит! Не хочу загоняться перед сессией. Может, у него денег только на лапшу хватает или просто задумался. Ничто сегодня мне не испортит отличного настроения: работаю последний час, в двенадцать закрою дверь и – прощай тёткин магазинчик.

Отвожу взгляд и смотрю на разложенные передо мной конспекты. Выпускные экзамены! Есть ли для студентов слова более ответственные и волнующие? Наконец-то я получу диплом и начну поиски настоящей работы. Торчать ночами у кассы в ожидании редкого покупателя надоело до чертиков.

Но ещё больше добивают постоянные звонки тети. Ей почему-то кажется, что я все время сплю или смотрю фильмы, только не продаю ее драгоценные продукты на грани срока годности. Да какой дурак попрется ночью в крошечный магазин в полуподвальном помещении, чтобы купить бутылку воды, пива или второсортной колбасы? Для этого существуют огромные супермаркеты, где и выбор больше, и товар свежее.

– Девушка, – вздрагиваю от стука и поднимаю глаза. – Рассчитайте!

У кассы стоит высокий молодой мужчина в длинном модном пальто. На его мокрых волосах, на пушистом шарфе, обмотанном вокруг шеи, блестят искорки снега. Суровый взгляд

смотрит внимательно и сердито, так, что сердце пропускает один удар, а потом начинает биться часто-часто.

Красивый парень, из богатеньких. Интересно, что он делает в нашем спальном районе?

– Ой, простите!

Вот дуреха! Замечталась и не заметила, как вошёл новый покупатель. Смотрю на товар: в корзинке перед кассой лежат влажные антисептические салфетки, йодный карандаш, пластырь, ножницы. Быстро пробиваю покупки, выдаю чек и сдачу: парень расплачивается наличными. Колокольчик звякает, когда покупатель выходит, а я опять смотрю на монитор.

Странно, мужчина в чёрной куртке исчез. Когда? Не слышала, чтобы колокольчик звякал дважды. Неужели богач в пальто так на меня подействовал?

Вот невезение! А вдруг тот, в чёрном, что-то украл! Бегу к прилавку с лапшой, быстро пересчитываю пачки – все на месте. Выдыхаю: не хочется, чтобы тетка Зина высчитала из моей зарплаты недостачу.

Оставшееся время тянется долго. Чтобы его ускорить, копаюсь в соцсетях. В студенческом чате паника. Мои однокурсники обсуждают предстоящий экзамен.

– Надо скинуться преподу на презент, – предлагает Лина, как всегда деловитая и решительная. Вот у кого все в жизни разложено по полочкам и расписано на двадцать лет вперёд.

Вздыхаю. Мне бы такую организованность! Что я без Линки буду делать, когда разъедемся?

– Ага! Разбежались! Зачем Фанере нужны твои конфеты? – возражает Петька Кислов, лентяй и бабник нашего факультета

– Кислый, не тупи! – злится Лина. – Купим хороший коньяк и кофе.

– У меня денег нет, – грустно пишет Маша.

Она тоже приехала из глубинки, потому я чувствую в ней родственную душу. Родители ей почти не помогают, жизнь в Москве дорогая, и тетки с магазинчиком нет. Девушка едва концы с концами сводит.

– Тогда и на экзамене провалимся, – гнёт свою линию Лина.

– Если хорошо подготовимся, не провалимся, – поддерживаю Машу я.

– Да пошли вы все... Для кого я стараюсь?

Линка выходит из чата. Сигнал напоминки звучит неожиданно. Отлично, пора прощаться с этим местом.

Быстро пересчитываю выручку, убираю в сейф, молниеносно мою пол, плевать на разводы, при такой погоде первый же покупатель оставит грязные следы. Больше всего их у прилавка с лапшой. Здесь топтался этот странный тип. Секунду разглядываю крупный отпечаток ребристой подошвы, похожий на елочку, как ее рисуют дети, потом шлепаю на него тряпку и размазываю по полу.

Собираю тетрадки в сумку, ещё раз оглядываюсь. Вроде бы все в порядке. Закрываю дверь, опускаю рольставни.

Ура! Я свободна.

Добежать до дома тетки – дело пяти минут. Нужно только миновать крохотный скверик, перейти на другую сторону дороги, свернуть за угол, а там и старая пятиэтажка в двух шагах. В это время, да в такую промозглую погоду никого на улице уже нет.

Снег начинается снова. Он падает крупными хлопьями на лицо и тает, оставляя мокрые кляксы. Метель усиливается, и перед глазами уже все сливается. Я шлепаю по мерзлой каше, ничего не видя впереди.

Стоп! Мне кажется, или за мной кто-то идёт?

Замираю, прислушиваюсь.

Шаги?

Или нет?

Оглядываюсь.

Никого. Только косая белая пелена, за которой мрак.

Ускоряюсь, почти бегу. Топот за спиной становится тоже чаще и громче. Резко торможу, смотрю назад – никого. Глюки? Или ночная улица и плохая погода вызывают беспричинный страх? И почему сегодня Степка не встречает? Это его обязанность караулить меня у магазина и провожать домой.

Мимо сквера я проношусь вихрем и торможу только у светофора, который из-за ночного времени работает в дежурном режиме. Быстрый взгляд налево, направо – пусто. На другой стороне стоит у обочины машина, но разобрать ее цвет и марку невозможно, лишь габаритные огни краснеют сквозь пелену снега.

На пешеходном переходе замедляю шаг. «Это просто паника», – успокаиваю себя. Благополучно оказываюсь на другой стороне улицы, сворачиваю за угол, вижу дом тети Зины.

Ура!

Беда приходит неожиданно.

Кто-то вдруг хватает меня сзади за шею, дергает на себя. Я даже вскрикнуть не успеваю, как небо, земля, снег начинают мелькать с бешеной скоростью, отключая сознание...

Глава 3. Тимур

Считается, что пипец в своей жизни человек часто предчувствует. Или так хочет думать...

Не знаю, врут люди, или правду говорят, но у меня было все отлично! Моя чуйка спала блаженным сном, а может, вообще ещё не родилась.

После университета с друзьями начали свой стартап,* работали над платформой безопасных денежных переводов. С помощью нашего приложения, помещенного в смартфон, можно было оплачивать абсолютно все: от покупок в крупных магазинах до транспорта и обедов в ресторанах, не боясь, что мошенники могут снять деньги. Больше не нужно было таскать с собой кошелек и банковские карты, телефон выполнял все функции сразу.

Это была настоящая революция в бизнесе, и нас ждало блестящее будущее.

Ирен, моя девушка, журналистка Московского еженедельника, писала соблазнительные статьи на эту тему, раскручивая нашу идею. От маркетологов не было отбоя, крупные банки вставали в очередь, чтобы заключить с нами партнёрский договор, появились заинтересованные инвесторы.

Казалось бы, впереди только безоблачное счастье, богатство, виллы на Сейшельских островах и... так далее по списку.

Но...

Как всегда, с «но» все и начинается. В один весенний вечер радужные надежды рухнули в канализацию.

* * *

– Так, на сегодня закончили! – я смотрю на часы, которые показывают половину восьмого вечера. – Все по домам! Завтра ответственный день.

Но сотрудники не двигаются с места, только неуверенно переглядываются: в последнее время мы задерживаемся допоздна, а то и вообще ночуем в офисе.

– Может, ещё раз прогоним приложение? – сомневается Славка, наш главный разработчик и поправляет очки на переносице. Он так делает всегда, когда нервничает.

– Домой! Спать! Это приказ!

– А вдруг...

Но я бросаю на друга такой грозный взгляд, что он вздыхает и захлопывает ноутбук. Славка – перестраховщик и перфекционист, ему всегда кажется, что хорошее – враг лучшего, хотя большинство считает наоборот.

Сегодня я тороплюсь на встречу с Ирен. Мы уже две недели общаемся только по Вайберу, нет возможности увидеться, хотя и живем в одном городе. Вечный аврал и цейтнот последних месяцев отдалили нас друг от друга.

Я жду ее у дверей редакции. Она выходит мрачная, молча целует меня холодными губами и идёт к машине.

Плохой знак.

Очень плохой.

Обычно на лице моей подруги сияет улыбка. Я не знаю более влюблённого в жизнь человека, чем она. Но, если Ирен что-то не нравится, ее настроение меняется словно по взмаху волшебной палочки: никаких переходов или промежуточных этапов. Одним словом, холерик в квадрате, так она сама себя называет, и я с ней молча соглашаюсь.

– Что-то случилось? – осторожно спрашиваю, заводя мотор.

– Тимур, помолчи немного! – резко отвечает она и отворачивается к окну.

Мы встречаемся уже давно, я привык к переменчивому характеру своей девушки и благодарен ей за то, что она всегда рядом. Меня попросили помолчать – окей, без вопросов выполняю просьбу и направляю машину в спальный район, где находится квартира Ирен.

Это и моя малая родина. Когда-то мы с подругой жили в соседних домах, учились в параллельных классах. Даже после того, как я переехал на другой конец Москвы, мы не потеряли связь. Но возвращаться сюда не люблю: это место связано с горькими событиями детства.

Трясу головой, боясь погрузиться в пучину воспоминаний. Нет уж! Это пройденный этап жизни! Я даже отчасти благодарен своим врагам. Они буквально заставили тощего и трусливого очкарика превратиться в...

В кого? Да я и сам не знаю. Не задумывался. Просто однажды проснулся и понял: никогда ни одна сволочь больше не сломает меня.

Погода портится. Ветер задувает так, что кажется, будто машина качается на волнах. Мокрые хлопья снега все чаще шлепаются на ветровое стекло. Дворники шуршат, старательно работая, но видимость становится все хуже. Сквозь белую пелену почти ничего невозможно разглядеть, приходится снизить скорость до минимума. Хорошо, что я уже съехал с оживлённой трассы: в спальном глухом районе не так много машин.

– Конец марта, а все зима не успокоится, – с досадой бормочу под нос и кошусь на Ирен: успокоилась или нет? Она дергается и нервно облизывает губы. – Пить хочешь?

– Давай.

Протягиваю ей бутылку с водой, искоса наблюдаю, как подруга глотает. Кажется, уже расслабилась.

– Что же все-таки случилось?

– Тим...

– Да.

– Понимаешь...

– Пока нет.

Ее поведение удивляет и даже вызывает недоумение. Ирен – очень решительная особа, из тех девушек, кто за словом в карман не лезет. Где-то внутри начинает просыпаться тревога.

– Тим...

– Блин, Иришка, скажешь мне наконец, или так и будешь «тимкать»?

– Ты сам идею стартапа придумал? – выпаливает она и сжимается.

Сердце пропускает удар, тревога в груди сжимается в комок. Хороший вопрос. Интересно, откуда дует ветер?

– Конечно. Разве есть сомнения?

– Меня сегодня вызвали к главному редактору. После моей статьи появилась жалоба на плагиат.

– Чт-о-о-о? – от неожиданности прибавляю скорость.

Мой джип дёргается и резко наезжает на чёрную Тойоту перед ним. Водитель оглушительно гудит, но я и сам вижу проблему. Выворачиваю руль, пытаюсь податься вбок, непослушные колёса скользят по обледеневшей дороге, и машину заносит.

Визг тормозов не слышу, только боковым зрением вижу, что на меня несётся маршрутка, начавшая обгон. Зажатый между автомобилями, я ныряю в крошечный просвет между ними, под оглушительный вой клаксонов вылетаю на встречную полосу и чудом не врезаюсь в столб.

Мотор глохнет, я сижу, уронив голову на руль. Руки и ноги дрожат от пережитого стресса, а пятка стучит о коврик, и кроме этого, кто-то снаружи колотится в окно. Опускаю стекло.

– Все живы?

– Да, спасибо. Чуть в штаны не наложил от страха, – натужно улыбаюсь.

– Ну, бывай! И как ты вывернуть умудрился, не понимаю, – качает головой дядька с усами. – Мастер.

– Сам не знаю.

– Тим! – слабый стон доносится с соседнего кресла.

– Что? Как ты?

Смотрю и прихожу в ужас: Ирен откинулась на спинку и сидит с закрытыми глазами, ее ладонь прижата ко лбу, и с пальцев каплют капли крови.

– Дьявол! – такой паники не испытывал никогда. – Иришка, родная, прости!

– Н-ничего...

– Очень больно?

– Т-терпимо, – с трудом произносит она, но почти не размыкает губ.

– Убери руки, я посмотрю. Можно?

Осторожно поворачиваю ее голову и освобождаю ранку. Она маленькая, но крови много. Вытаскиваю из бардачка влажные салфетки, смотрю на них и бросаю обратно: спиртовой раствор сделает только больнее.

– Как там? Шрам останется? – стонет Ирен.

В голосе звучит страх.

– Ранка крохотная, но в коже лица много капилляров, потому она кровит сильно. Подожди...

Выскакиваю из машины, в багажнике была аптечка, но тут же вспоминаю, что бросил ее в гараже, чтобы проверить срок годности лекарств, и не вернул обратно. А ветер уже почти сбивает с ног, джип покрывается слоем мокрого снега, который от каждого стука или рывка двери сползает толстыми лентами на асфальт.

Все к одному! Если не везёт, то по-крупному.

Оглядываюсь: недалеко горят огоньки круглосуточного магазина. Открываю дверь в салон.

– Ириша, потерпи немного. Я принесу перевязку.

Не глядя по сторонам, перебегаю дорогу и несусь к "Мини-маркету", расположенному на углу жилого дома. Даже сомнение не возникает. Подростковые страхи давно забыты, хотя сердце колотится где-то у горла. Вот-вот меня настигнет встреча с ненавистным прошлым.

* * *

Раньше хозяйкой магазина была тетя Зина, мать первого школьного хулигана Степана Миронова по кличке Каланча за длинное и нескладное тело.

Он был на два года старше меня, числился в девятом классе, а после уроков торчал с приятелями во дворе за школой, где проходил основной пеший путь всех учеников района. Банда его малолеток охотилась за добычей. Сильных пропускала, а слабаков и трусов зажимала в кустах. Таким слабаком был и я, тощий и маленький ботаник, испуганно втягивающий голову в плечи при одном окрике:

– Захери, подь сюда!

Прозвищем меня наградили не только за фамилию Захаров. Как-то на уроке географии я получил доклад: должен был рассказать о национальных особенностях Австрии, одной из которых является торт «Захер».

Услышав это название, класс покотился со смеху.

– Захер-хер-хер, – понеслось шепотом по рядам.

– У Захарова – Захер. Он сам Захаров.

Так намертво и приклеилось ко мне прозвище «Захери», заменило имя и фамилию, я стал объектом насмешек, а потом и преследования бандой Каланчи.

И как ни пытался спрятаться или сбежать, меня всегда настигали длинные ноги Степки. Сильные пальцы хватали за шиворот, встряхивали так, что зубы щелкали, а потом разворачивали лицом. Карлик, получивший кличку за маленький рост и короткие кривые ноги, правая рука главаря, приподнимал мой подбородок и ласково шепелявил ртом с выбитыми в драке зубами:

– Шмотрите, кто у нас тут такой шладенький, как венский тортик? Жакери, школько денегат у мамыши жажнул? – приятели хохотали, радуясь каламбуру. – Колись! Или шамому проверить?

– Пусти, – хрипел я, пытаюсь вырваться из цепкого захвата и от страха почти теряя сознание. – У меня нет денег.

– А ешли не отпущу, шо делать будешь, цыпа?

Сказать слово «цыпа» у него не получалось, и оно звучало как что-то среднее между щипа и шипа, а от этого становилось еще страшнее. Я чувствовал, как сводило судорогой мочевого пузырь, и концентрировался только на том, чтобы не опозориться еще больше.

– Пусти! – уже слезно умолял коротышку.

– Ладно, Жакери, не хочешь добровольно, не надо. Шам возьму.

Карлик, мой личный тиран, потому что мы были примерно одного роста, обшаривал карманы и вытряхивал на землю содержимое рюкзака. Если он находил деньги, мог просто придать ускорения пинком. А если денег в этот день не было, приятели превращали меня в боксерскую грушу и колотили по очереди. Причем метили в такие места, на которых не оставалось синяков, или их не было видно, но никогда не били в лицо.

Рассказывать дома о школьных издевательствах я боялся, и, чтобы не подвергаться ежедневным мучениям, стал воровать у родителей деньги, а когда не получалось, брал в шкатулке мамыны украшения. После того как пропали дорогие серьги с бриллиантами, родители вызвали полицию.

Под совместным давлением взрослых я признался в воровстве и поведал о школьном преследовании. Скандал был громкий, но родители не стали ждать конца разбирательства и переехали в другой район Москвы.

* * *

Это случилось больше десяти лет назад, но все равно в магазинчик влетаю с нервами, натянутыми как струна. Не думал, что детские воспоминания настигнут в неудачный момент и заставят волноваться. Но в помещении пусто, только девчонка-продавщица сидит за прилавком и разглядывает монитор. Меня даже не замечает.

Быстро кладу в корзинку стерильные салфетки и пластыри, здесь же нахожу маникюрные ножницы и йод. Для оказания первой помощи вполне хватит. Подхожу к кассе, но девушка меня не видит.

«На что она так смотрит?» – обвожу взглядом зал: в дальнем углу стоит парень в чёрной куртке и не двигается. Интересно, он зашёл до меня или после? А, какая разница? Стучу по прилавку.

– Ой, простите!

Девушка поднимает голову. Луч света падает на ее лицо, и я невольно отмечаю светлый ореол волос одуванчиком вокруг головы, высокие скулы, миндалевидные глаза, более характерные для брюнеток, и капризно вздернутую верхнюю губу.

«Простушка, – думаю машинально про себя. – Но с хорошим макияжем будет красавицей».

Девушка пробивает товар, протягивает мне сдачу и виновато улыбается. Глубокие ямочки мелькают на щеках и делают ее лицо потрясающе милым. Чувствую, как губы растягиваются в ответ, но вспоминаю раненую подругу и несусь назад к машине, мгновенно выкинув из головы привлекательный образ юной красотки.

Ирен терпеливо ждёт. Я обрабатываю ранку, вытираю уже засохшие пятна крови, даю обезболивающую таблетку. Моя девушка не сопротивляется, но чувство вины сжигает меня изнутри. Увы, она пострадала по моей неосторожности.

– Иришка, прости.

Беру ее пальцы и нежно целую. Я не знаю, любовь это или дружеская привязанность, потому что былой страсти давно уже нет, но, когда подруга рядом, чувствую внутри себя тепло и нежность.

– Это я виновата, – Ирен смотрит на меня. Теперь она выглядит почти так же, как до происшествия. – Нельзя шокирующую информацию вываливать, когда ты за рулем.

– А что все-таки случилось?

– Пришла претензия от британского стартапа. Они обвиняют твою компанию в плагиате. Говорят, что намного раньше начали разрабатывать подобную идею.

– погоди! погоди! что-то здесь не так! Я читал эту работу. Они опубликовали ее позже нас, иначе мы не стали бы даже связываться. Сама знаешь, насколько мои ребята талантливы, у нас патентов куча. Не вышло с одним делом, занялись бы другим.

– Так-то оно так...

– А, не волнуйся, – целую Ирен в сжатые губы. – Завтра разберусь. Поехали, тебя дома уже потеряли. Или к врачу?

– Не надо. Пустяки, просто испугалась. Может, останешься у меня?

Подруга гладит меня по руке. Прислушиваюсь: тело реагирует вяло. Оно уже получило свою порцию стресса и адреналина, да и мысли сейчас о другом. Надо разобраться в наезде. Интересно, кому помешала моя маленькая компания?

– Не могу, – смеюсь и завожу мотор. – Ты же сама подкинула мне на ночь загадку.

Выхожу из машины и сбиваю снег с ветрового стекла: дворники уже не справляются, пока обрабатывал ранку, джип превратился в снеговика. Боковым зрением выхватываю движение на зебре у светофора.

Неужели прохожий в такую погоду и такой час? Пристально смотрю сквозь пелену на дорогу. А, это продавщица из магазина торопится домой. И не страшно ей? Хотя... какое мне дело?

Завожу мотор и везу Ирен: она живет рядом, через дом. Провожая ее до квартиры, целую, бегом спускаюсь по ступенькам. Мозги горят, срочно нужна информация. Выруливаю из коробки дворов и торможу на перекрестке. Именно здесь я видел продавщицу.

Интересно, куда она пошла?

Опускаю стекло: метель врывается в салон, проникает под расстегнутое пальто, завывает и плачет, словно ведьмы устроили брачные пляски. Загорается зелёный свет, я трогаюсь с места, и в этот момент ветер стихает.

– Помогите! – доносится отчаянный крик.

*Стартап – это коммерческий проект, основанный на какой-либо идее, и требующий финансирования для развития.

Глава 4. Женя

Неизвестный зажимает мне рот и нос ладонью в вонючей перчатке, второй рукой хватается за талию и тащит куда-то в сторону. От неожиданности я дезориентируюсь, не могу сделать ни вдоха, не понимаю, где верх, где низ. Все мелькает перед глазами: дома, хлопья снега, черные деревья и кусты. Руками пытаюсь за что-нибудь ухватиться, но перчатки соскальзывают, торможу пятками по асфальту, а силы уходят с каждой секундой.

Кислород в легких заканчивается, и мое сопротивление сходит на нет, повисаю бессильно на руках незнакомца. Он мгновенно убирает ладонь с моего лица и тычет в бок. Боль пульсирует в виски, и я отключаюсь. Прихожу в себя от хлестких ударов по щекам, подтаявший снег размазан по коже, от запаха мокрой шерсти к горлу поднимается тошнота.

– Пришла в себя, дура! – с трудом открываю тяжелые веки и натываюсь на злобный взгляд незнакомца. – Рано ты решила очоуриться, – я пытаюсь закричать, но выдавливаю только писк и сразу получаю тычок в то же место. Перед глазами все плывет, вижу черный силуэт насильника, который шипит: – Если пикнешь, убью, не задумываясь, все равно тебя кончат этой ночью.

Кончат ночью? Слова бандита не проникают в сознание. Меня кончат? За что? Не может быть!

«Спасите! – набатом звучит в голове призыв. – Кто-нибудь, спасите! Люди, миленькие, где вы?! Господи... Мамочка...»

Парень исчезает, но тут же чувствую, как он хватается за меня со спины, приподнимает и волоком тащит за собой. Слышу тяжёлое дыхание, даже рычание, сопровождаемое матами. Ровная дорога заканчивается, теперь меня тянут по мерзлой земле.

Я судорожно пытаюсь выдавить из глотки крик помощи, но от паники она сжата спазмом, лишь воздух со свистом проникает в легкие: вдох-выдох, вдох-выдох.

Наконец прихожу в себя, и включаются в работу мозги и инстинкты. Приподнимаю тяжелые руки, размахиваюсь и бью похитителя наотмашь вялыми кулаками. Попадаю, видимо, в лицо (нечего низко наклоняться!): бандит вскрикивает и резко отпускает меня. Затылок с тупым стуком прикладывается к ледяной корке, искры сыплются из глаз, но от удара изо рта вылетает всхлип:

– Помогите! – сиплю едва слышно, приподнимаюсь, глубоко вдыхаю и уже кричу во все горло – Спасите!

– Ах, ты, сучка!

Удар в лицо такой сильный, что я падаю, опять приложившись головой о лёд. На мгновение отключаюсь, а когда прихожу в себя, чувствую, что бандит бьет меня по рёбрам. От каждого тычка перехватывает дыхание, и я складываюсь пополам. Кажется, тело, пронизанное острой болью, разрывается на куски.

– Помогите! – упрямо сиплю, на большее нет сил, боюсь, что без поддержки со стороны не справлюсь.

А ее, как назло, нет: ни одна штора на окне не шелохнулась, ни одна машина не остановилась, а прохожие давно спрятались по уютным спальням от непогоды.

«Господи, спаси!» – молюсь про себя от отчаяния. Не верю, что так глупо расстанусь с жизнью.

Не верю!

Но разъяренный мужик не останавливается. Он злобно работает ногами.

– Заткнись, я сказал, заткнись! – сопровождает он каждый пинок шипением.

Я уже не могу кричать. Сворачиваюсь клубком, прикрывая живот – самое болезненное место. Но этому гаду мало, он дергает меня за плечо и опрокидывает на спину, только чувствую, как рвётся на мне одежда, слышу звериное рычание и больше ничего не соображаю.

– Пожалуйста, мне больно, – вырывается стон. – Не убивайте меня.

– Лежи тихо, сука! – приглушённый приказ раздаётся где-то над головой. – Тогда и больно не будет. Передавай привет Каланче.

Его слова звучат так неожиданно, так неправильно, что я на миг перестаю сопротивляться. В голове проносится стая мыслей. Причём тут Степка? Что он сделал этому чуваку?

– Мамоочка, спаси меня! – рвётся из горла крик, но тут же захлёбывается от хлесткой пощечины.

Холодные пальцы расстегивают джинсы, ледяной ветер забирается под одежду, хлещет плетью снега, кожа дрожит, зубы стучат, лицо залито кровью из разбитого носа. Но я даже пошевелиться не могу, какая-то безучастность овладела сознанием, воспринимаю происходящее словно со стороны.

Тяжесть наваливается на меня, закрывая от непогоды. Что-то тёплое и твёрдое тычется в живот, скользит по покрытой мурашками коже...

– Ах, ты, мразь! – над головой раздаётся крик

И вдруг все исчезает, кроме ветра, который бросает в лицо комки снега, я слышу звуки ударов.

Открываю глаза и захопываю, ничего не видя вокруг, но инстинкт самосохранения гонит меня от проклятого места. Даже не знаю, как удаётся встать на четвереньки, но уже через секунду я оказываюсь на несколько метров подальше от драки. Осторожно поднимаюсь, каждое движение причиняет такую боль, что хочется выть в голос.

«Бежать! Бежать!» – молотком бьется в висках мысль.

Но я не бегу, а ковыляю, едва переставляя ноги. За спиной слышу глухие хлопки, крики насильника, но в душе нет ни злости, ни жалости. Пусто. Только ветер треплет волосы, этот гад сорвал с головы шапку, да снег залепляет лицо и стоит пеленой перед глазами. Сослепу натыкаюсь на что-то мягкое и отступаю, но меня хватают за локоть.

– Женька, куда собралась? – спрашивает скрипучий голос.

Вытираю рукавом лицо: вокруг меня полукругом стоит темная толпа незнакомцев, а рядом, совсем близко – Карлик, приятель Степана.

– Ой! – непроизвольно вылетает изо рта, я делаю шаг к коротышке и выстукиваю зубами: – Как... хорошо..., что... ты... здесь! Тебя брат прислал? – оборачиваюсь, не дожидаясь ответа, показываю рукой на насильника, валяющегося сейчас на земле, и всхлипываю: – Этот... этот... хотел меня...

– Карла, а девка нам рада, что ли? – подельники Карлика зашевелились и загоготали. – Братва, всех отоварит наша телочка по собственному желанию. Держите ее!

Меня хватают за руки и волокут к стене дома. Я сопротивляюсь изо всех сил. От боли темнеет в глазах, из разбитого носа снова идёт кровь и заливает лицо. В голове проносится стремительная мысль: «Война между бандами! Дележка территории района. И во главе ее стоит именно Карлик».

Открытие настолько невероятное, что забываю о боли и раненом теле. Я изворачиваюсь и каблуком бью одного бандита по ноге. Он вскрикивает, ослабляет хватку, и мне удаётся выскользнуть. Но рывок оказывается бесполезным: мне зажимают рот и нос. От нехватки кислорода почти теряю сознание и повисаю на руках мучителей.

Дальнейшее воспринимаю как в тумане.

Мой спаситель оборачивается на звуки аплодисментов, которыми его награждают шестерки Карлика. Одной ногой он по-прежнему прижимает насильника к земле. Из короткого

обмена гадостями понимаю лишь, что этот парень знаком бандитам. Кажется, Захери, так они к нему обращаются. Смотрит он открыто, не боясь, и говорит властно, чеканя каждое слово.

Ещё один хозяин района? Из его слов ясно, что он отбил добычу, то есть меня, у хищника и хочет сожрать ее сам. И никого не волнует, что жертва совершенно не согласна с таким раскладом.

Отчаянием заполняется и голова, и сердце. Надежды на спасение нет и не будет. Молитвы и призывы не помогли. Хочется задрать подбородок к ночному небу и завывать, проститься с этим проклятым миром, но Карлик толкает меня к Захери...

Глава 5. Тимур

Этот крик мгновенно выбрасывает адреналин в кровь. Распахиваю дверь, Прислушиваюсь – тишина. Облегченно выдыхаю, нажимаю на кнопку поднятия стекла и вдруг снова:

– Спасите!

Выскакиваю из машины и несусь на звуки, а они становятся все громче.

Шлёпок, вопль боли, удар...

– Заткнись, сука! Я сказал заткнись!

Что творится со мной, не знаю. Ненавижу, когда обижают слабых. Готов убивать! Мозги в этот момент отключаются, действуют руки, ноги, зубы...

Поворачиваю за угол и сразу вижу два силуэта. Девушка лежит на земле, свернувшись калачиком и стонет, а мужик в чёрном нависает сверху и рвёт на ней одежду.

Предупреждающих выстрелов у меня нет, зато есть отработанные в секции борьбы приемы ногой. Подпрыгиваю и точным ударом в плечо тут же сбиваю мужика с ног. Он валится кулем картошки и вопит, как резаный. Но во мне нет ни грамма жалости. Наоборот, включается холодная ярость, словно хлебнул полный стакан злости.

Одним рывком за шиворот ставлю ублюдка на ноги и снова укладываю на землю. И так несколько раз, теряя счёт времени, готов пинать, рвать зубами, вымещать всю накопившуюся за подростковые годы ненависть к мрази.

Громкие аплодисменты прорываются сквозь шум в ушах. На миг останавливаюсь, тяжело дыша, и оборачиваюсь.

Сзади – толпа парней. Один из них держит в руках девушку. И когда успели ее схватить, не понимаю, кажется, прошло всего несколько секунд. Продавщица дергается и плачет, но не может вырваться из хватки, ее лицо, залитое кровью, перекошено.

Черт! Откуда нарисовались эти ублюдки? Когда мирный спальный район успел превратиться в пристанище бандитов?

Раз, два, три...

Сбиваюсь со счета, гопники все в чёрной одежде и не стоят на месте, перемещаются. Но главное отмечаю: крупные и мощные качки наверняка шестерки. А перед ними скачет злобный коротышка и крутит на пальце, протетом в дырку в рукоятке, охотничий нож. Он и есть главарь.

Вот попал! Многовато, вряд ли один справлюсь, но упрямо сжимаю кулаки.

– Отпустите ее! – цежу сквозь зубы.

– А чё такой дерзкий-то? – коротышка поворачивается к своим. – Пацаны, слышь, лох в пальто приказывает!

Дружный хохот сопровождает его слова.

– Кажись, собирается по беспределу наехать?

– Опаньки. Да ты попутал, чепушила.

– Че за борзота?

Один из парней направляет мне в лицо луч фонаря. Я закрываю ладонью глаза.

– Да это же Захери, пацаны! – кричит коротышка. – Вот это сюрприз! А ты подрос, парняга!

Приглядываюсь и мгновенно вспоминаю Карлика, первого подручного Каланчи. Именно он придумывал самые изощренные издевательства для школьных жертв. В душе взрывается все дерьмо, накопленное годами, с губ слетает рычание. Я распахиваю пальто и выпрямляюсь, пусть полюбуется, перед ним не трусливый очкарик.

– Отпустите телку! – приказываю теперь властно и сплевываю на снег. – Не по понятиям базаришь, Карлуша!

Насильник, которого придерживаю ногой, шевелится, пытаюсь отползти. Я подпрыгиваю в воздух, разворачиваюсь и точным ударом в шею вырубая говнюка на хрен.

– Ого! Пацаны, у нас тут сраный Рембо нарисовался! – вопит коротышка, сверкая фиксами, заполнившими прежние дырки во рту.

– Ты уж определись, Карлуша, – цежу сквозь зубы, хотя внутри все трясется от злости. – Рембо или лох в пальто?

В этот момент один из гопников разворачивает девушку, насильно раскрывает ей рот и сует в него самокрутку.

– Пососи конфетку, милаха, а то на всех твоей целки не хватит.

Девушка в ужасе крутит головой, а банда развлекается.

– Отпустите! Мамочка, помоги...

– Тише будь! – рявкает Карлик и вырывает косяк из пальцев шестерки.

– Ты чо, Карла, я ж как лучше хотел, – оправдывается тот и пятится за спину остальных.

Я словно леденю, не чувствую уже ни ветра, ни снега, ни страха, но жду удобный момент.

Брошусь сейчас – девушку не спасу и сам пострадаю.

– Не, Карлуша, твои пацанята базар не фильтруют, – перетягиваю внимание на себя.

Парни переглядываются и начинают наступать, но девушку тащат за собой. Упрашивать больше не хочется. Я снова подпрыгиваю, разворачиваюсь и носком ноги сбиваю шапку с головы ближнего бандита. Он отшатывается и валится рядом с насильником.

– Захери, ты че, рамсы попутал? – взвизгивает Карлик.

– Это... моя... добыча! – говорю четко, каждое слово отдельно.

В душе теплится надежда: если передо мной гопники, они живут по понятиям, а значит признают право сильного на лучший кусок.

– Забирай, нам чужого не надо, – коротышка со смешком толкает девушку ко мне. – Дай хоть удавчик потаскать.

Я сдергиваю с шеи кашемировый шарф (пусть подавится!) и одновременно заталкиваю дрожащее от ужаса тело жертвы за спину. Продавщица вцепляется в пальто пальцами и пищит, как котёнок. Начинаю отходить к дороге, надеясь, что машина ещё на месте. Но волчья стая выстраивается полукругом и теснит нас к стене дома.

Неужели отморозки? Для этих скотов ничего святого нет.

Мозг лихорадочно просчитывает варианты отхода. Как назло, торец дома глухой. Никто из жителей нас не увидит и не услышит криков, а значит, не придёт на помощь.

– Ты ее с собой потащишь? – спрашивает коротышка. – Пользуй и оставь нам маленько.

– Не привык своим делиться.

– Неужели? А я помню, как ты цапки у своей мамашы таскал. На два пакетика косяков хватало.

Это удар в солнечное сплетение. Даже дыхание перехватывает. Сволота, нашёл, что вспомнить! Холодным потом покрывается спина, кулаки разжимаются. А злобный взгляд маленьких глаз буравит меня насквозь, ритмичное движение ножа на пальце гипнотизирует, лишает воли.

Будь ты проклят! Детские страхи сжимают горло и парализуют мозги.

– Идиотом был, – голос становится тише.

– Хватит базарить! Пользуй девку, пока я добрый, и вали отсюда.

– Прямо здесь?

– А чо, слабо?

– Холодно...

– Чо, твой шкертик не встанет? Тогда вертай телку взад, у нас стоит на все, что движется.

– Нет! Пожалуйста, не отдавай меня! – взвизгивает продавщица.

– Нечего шататься одной по ночам! – рявкаю громко, чтобы зрители расслышали каждый звук.

Я сжимаю ее плечи и встряхиваю, стараясь поймать ускользающий взгляд. Но она ничего не соображает и только повторяет:

– Нет! Не надо!

– Дура! Смотри сюда! – девушка наконец-то поднимает глаза, и я шепчу: – Ноги закинь на меня и держись крепко.

– Ой! Н-е-е-т...

Хватаю обезумевшую от страха жертву и вздергиваю ее себе на пояс. Чувствую крупную дрожь, которая сотрясает ее тело.

– Кричи, зови на помощь.

– А-а-а, – выполняет приказ девушка, – помогите!

– Вот развопилась, коза! Выруби ее, Захери!

– Молчи!

Продавщица захлопывает рот, слышу только, как лязгают зубы, пока пристраиваюсь. Сымитировать секс несложно: длинное пальто скроет все от посторонних взглядов. Ритмично двигаюсь, спиной чувствую опасность и думаю, думаю, думаю... Без парализующего волю взгляда Коротышки прихожу в себя.

Идея рождается внезапно.

– Я буду считать, – шепчу девчонке на ухо. – На «три» – беги за угол и в подъезд. Вызывай полицию и скорую. Если поняла, кивни.

Девушка в моих руках трясётся. Даже не знаю, в сознании ли она.

– Захери, кончай уже! Чо тянешь?

– Раз, два, три – беги!

Опускаю добычу на землю, она заваливается набок.

Это конец!

Волки чуют запах крови и дружно ревут.

Разворачиваюсь к ним лицом, страха больше нет, только холодный расчёт: первым вырубаю коротышку, как главаря, потом по одному остальных. И вдруг за спиной слышу движение: девушка приходит в себя и срывается с места.

Все, пора! Это сигнал.

Я группируюсь и выбрасываю тело вперёд. Удар приходится в грудь громиле, потому что коротышка, звериным нюхом угадавший опасность, ныряет к шестерке за спину.

– Пацаны, бей лоха! Держите козу!

Стая набрасывается сразу и зажимает меня в кольцо, делая невозможным приемы ногами. Ничего, кулаки у меня тоже рабочие, Машу руками во все стороны, сам уклоняюсь от ударов, не зря рефлексy годами оттачивал. На миг кажется, что победа за мной, издалека доносится вой сирены. Это хорошо: девчонка вызвала подмогу.

Нож не увидел и не почувствовал.

Отморозки вдруг подаются в стороны, Карлик ныряет под руку, бьет головой в живот, а потом отскакивает. С недоумением смотрю на него, на рукоятку с дыркой, торчащую из живота, колени неожиданно складываются, и я падаю на снег. Сквозь туман ещё вижу ухмыляющегося коротышку.

– Кранты тебе, Захери!

«Это конец?» – наплывает последняя мысль...

Глава 6. Женя

Захери приказывает бежать, и я срываюсь с места, забыв о боли и слабости. Меня качает из стороны в сторону, но я упрямо несусь вперёд, а сзади слышатся звуки драки, топот множества ног, крики и маты. Только забежав в тёткин подъезд и захлопнув за собой дверь, останавливаюсь, прижимаюсь спиной к стене и реву навзрыд от ужаса.

«Вызови полицию и скорую!» – вспыхивают в голове слова моего спасителя. Трясуцими руками вытаскиваю телефон, набираю нужные номера и кричу в трубку:

– Срочно! Здесь человека убивают!

Заикаясь и задыхаясь от рыданий, едва выговариваю адрес.

– Девушка, назовите своё имя! – слышится в трубке, но я отключаюсь.

Несколько секунд подавляю истерику, потом подкрадываюсь к окну подъезда и осматриваю двор – пусто. От мысли, что удалось вырваться из когтей смерти, слёзы ещё сильнее текут по щекам. Но это уже слёзы облегчения. Неужели меня никто не преследует? Если Карлик решил отомстить брату, схватив меня, почему не доводит дело до конца? Ответ очевиден: Захери помешал.

О Боже! Его сейчас убьют вместо меня!

Взлетаю по ступенькам и нажимаю на все кнопки звонков первого и второго этажа.

– Помогите! Человека убивают! – кричу изо всех сил. – Люди, помогите!

Но реакции никакой. Только за двумя дверями послышалось шевеление, да один старческий голос проскрипел:

– Уходи, что раскричалась? Не мешай спать, или полицию вызову!

В квартиру тетки на пятый этаж не поднимаюсь: бессмысленная трата времени. Набираю номер Степана – абонент недоступен. И этот провалился в болото!

Бегом спускаюсь, у входной двери лежит кирпич, которым ее подпирают курильщики, чтобы не захлопывалась. С трудом наклоняюсь, боль простреливает бока, не могу сделать вдох полной грудью, но упрямо выползаю на улицу: не могу бросить человека, спасшего меня, в беде.

Я крадусь вдоль стены за кустами к торцу дома. Крики и шум не стихают, но становятся глуше, и теперь четко слышен вой сирен. От облегчения хочется плакать в голос, но я стискиваю зубы и выглядываю из-за угла.

Поле битвы усеяно трупами, так мне кажется, хотя на снегу лежат всего несколько человек и постанывают. Ещё трое защищают Карлика, а тот скачет козликком за их спинами и подзуживает:

– Дай ему, дай!

Захери крутится как заведённый, только полы пальто разлетаются в стороны, когда он взмахивает ногами. Вдруг бандиты расступаются, Карлик идёт в атаку, делает резкое движение и тут же отскакивает. Я не вижу издали действие в деталях, но Захери, боевая машина, замораживает, словно натывается на стену, потом медленно опускается на колени и заваливается на бок.

– Карла, атас! Мусора! Валим отсюда!

Шестерки подхватывают раненых и исчезают в доли секунды. Мой насильник тоже куда-то исчез. Я бросаюсь к спасителю, который не подаёт признаков жизни, но делаю несколько шагов: ноги вдруг подламываются, дома и деревья врываются в хоровод метели, земля резко летит навстречу.

Прихожу в себя от запаха нашатыря, бьющего в нос, и понимаю, что лежу на спине. Вокруг много людей, они о чем-то переговариваются, ходят, скрипят мокрым снегом. Чуть поодаль стоят несколько машин.

– Ты как, милая? – женское лицо появляется надо мной так неожиданно, что я вздрагиваю. – Испугалась, наверное, бедняжка.

– Вы схватили бандитов? – с трудом выговариваю я.

– Полиция занимается этим вопросом. У медиков другая задача.

Только сейчас я замечаю профессиональную форму доброжелательной женщины.

– А тот парень? – поворачиваю голову и смотрю, как Захери кладут на носилки. – Он... он... – рыдания рвутся из горла. – Он...

– Тихо, тихо, милая! – медик гладит меня по волосам, приподнимает голову, кладёт под неё свои перчатки, потом кричит: – Сюда, здесь девушка ранена! – опять смотрит на меня. – Парень твой знакомый или друг?

– Н-нет! Он... он... – раскрываю рот, но не могу вдохнуть полной грудью. – Он... спас меня!

– Тихо, тихо, не волнуйся. Дыши, раз, два – вдох. Раз, два – выдох. Он ранен. Будем надеяться, что выживет.

– Нет! Нет! – отчаянно мотаю головой.

– Где у тебя болит? Можешь оказать?

– Не знаю...

– Хорошо, попробуй встать. Я помогу.

Незнакомка берет меня за пальцы и легонько тянет вверх.

– А-а-а! – я кричу от боли, такой сильной, что на миг выпадаю из реальности.

– Слава, – зовет надрывно женщина, – девушке нужна помощь! Бегом сюда!

Двое мужчин с носилками оказываются рядом почти сразу. Я смотрю на них и понимаю, что с дыханием творится что-то странное: его просто нет. Совсем. Я раскрываю рот, как рыба, вытащенная на берег, но не могу втянуть ни капли кислорода, а руками отмахиваюсь от медиков, словно увидела привидения.

– Что с ней?

– Больше похоже на состояние после шока, – женщина наклоняется ко мне и тут замечает мое состояние. – О боже! Дыхательный невроз!

Это последние слова, которые я слышу. Дальнейшее я воспринимаю, как в тумане. То теряю сознание, то врываюсь в реальность. Меня куда-то везут, перекалывают, причиняя нестерпимую боль, переодевают. Потом делают укол, и я уплываю.

Окончательно прихожу в себя в неизвестном месте. Открываю глаза, но ничего не вижу, лишь узкая полоска света тянется вниз. Пытаюсь пошевелиться и не могу. Паника бьет в голову и вырывается криком:

– А-а-а! Помогите!

– Ты чего, оглашённая? – спрашивает сонный голос, и тут же вспыхивает ночник.

Поворачиваю голову: белые стены, напротив меня темное окно блестит стеклами, а рядом – еще две кровати, и одно из них лежит седая женщина и подслеповато щурит глаза.

– Простите. Где я?

– В больнице. В травматологии.

– Что со мной?

– Будет обход, узнаешь! Спи пока. В шесть утра подъем.

Женщина замолкает, свет гаснет, а я вытягиваю шею, пытаюсь разглядеть себя, но ничего не вижу. Просто тело под одеялом. В памяти проносятся события ночи. Вижу силуэт насильника, бандитов во главе с Карликом и бездыханного спасителя. От жалости к себе и к нему хочется выть. Слезы катятся по щекам, хлюпают в носу, затекают в рот. А ещё не могу вдохнуть полной грудью, она словно тисками зажата.

Шевелю рукой – больно, но двигается. Захватываю одеяло в горсть и вытираюсь, а потом откидываю его. Глаза привыкают к полумраку, и я вместо тела вижу белый кокон. Осторожно прикасаюсь к нему – твёрдо. Это гипс! Обычный гипс!

Поднимаю ногу, одну, вторую, обе двигаются.

И это открытие приносит облегчение. Я жива, руки-ноги целы, а сломанные ребра заживут. Вот только что делать с выпускными экзаменами? Неужели придётся сдавать их через год?

Отчаяние снова овладевает мной, но уже тихое, без истерики и воплей. Наплакавшись вволю, засыпаю, а утром приходит тетка Зина и приносит ужасную новость...

Вернее, две ужасные новости, которые взрывают мой мозг и лишают опоры под ногами.

Тетя Зина входит в палату с перекошенным лицом и заплаканными глазами. Чувство вины сразу заполняет меня целиком. Слезы наворачиваются на глаза, и я отчаянно хлюпаю носом. Хочется обнять родного человека и пожаловаться на судьбу, а не доставлять неприятности, а они непременно будут.

Но тетка здороваётся кивком, распространяя аромат резкого парфюма, усаживается на стул рядом с кроватью, долго роется в сумке и достаёт пакет с мыльными принадлежностями и нижним бельём.

– Вот, привезла тебе, – буркает, не глядя на меня.

Ни вопросов о ночном происшествии или о моем здоровье, ни капли сочувствия. И я прозреваю. Что-то произошло еще, помимо трагедии со мной.

Но что?

– Тетя Зина, – начинаю говорить первой, чувствуя непреодолимую потребность оправдаться, будто сама виновата в случившемся. – Все было как обычно. Отработала смену, закрыла магазин, уже почти добежала до дома, когда этот козел напал. Видишь, что со мной сделал? – слезы закапали на одеяло. – А потом появились эти...

Тетка подскакивает и закрывает мой рот ладонью. Я растерянно хлюпаю ресницами.

– Т-ш-ш-ш. Замолчи! – она оглядывается на любопытную старушку с соседней койки, которая напряжённо прислушивается к нашему разговору. – Ни слова об этом, когда придёт полиция.

– Почему? Этих сволочей надо наказать!

Тут выдержка изменяет тете Зине, она всхлипывает и заходится плачем.

– О Боже! – соседка-бабулька всплескивает руками. – Ты, милая, словно по покойнику убиваешься. Жива твоя девочка. Подумаешь, ребра сломала. Здесь и не таких выхаживали.

В растерянности я глажу по плечу эту крупную и статную женщину, привыкшую без мужика справляться с проблемами, и жду, пока пройдет приступ отчаяния. Первый раз вижу ее в таком состоянии, и это тревожит до колик в животе, заставляет волноваться еще больше.

Бабульку увозят на процедуры, и мы наконец остаёмся одни. Тетя Зина вытирает красные глаза и смотрит на меня в упор.

– Короче, Женька, придётся тебе выручать нашу семью, – заявляет она и рассказывает торопливым шепотом.

* * *

Война внутри группировки Степана началась еще полгода назад. Брат контролировал спальный район и жил мелким рэкетом, сборами дани за охрану на колхозном рынке, угоном бесхозных машин. Вполне хватало на жизнь, выпивку и телок, на большее он не замахивался. Местную полицию тоже устраивал такой расклад. Нужные люди имели свою долю добычи и не лезли в чужие дела.

Но Карлику хотелось размаха. Он стремился к власти и расширению территории, поэтому подбивал главаря на масштабные авантюры, которые могли принести огромные деньги. Осо-

бенно его привлекали наркотики. Коротышка наладил неплохой трафик, создал систему распространителей и все больше отдалялся от друга.

В банде назревал раскол. Одни шестерки поддерживали брата, другие – его помощника. Степан разрешил ситуацию просто: втайне от подельника перехватил товар, перепродал его, а деньги положил в общак. Так он надеялся остановить распри и приструнить Карлика, но только ещё больше разозлился того.

Коротышка – подлая и коварная натура, подготовил ловушку, в которую угодила я.

* * *

– А я зачем им понадобилась?

Действительно, поступив в столичный вуз и приехав к тетке на проживание, я ничего не знала о ее семейных проблемах. Степка называл свои дела бизнесом, давал матери деньги, поставлял в магазинчик товар, охранял меня и других продавщиц. Одевался всегда со вкусом, водил дорогую машину, строил дом в Подмосковье. Жизнь не хуже, чем у большинства предприимчивых людей.

Правда, изредка какие-то темные типы приторговывали автомобильными запчастями на заднем дворе, но меня это не касалось, тем более что тетка предложила закрыть глаза. Занятая учебой и работой, я и не обращала внимания на суету вокруг меня.

– Как зачем? – тетя Зина смотрит на меня, подняв брови. – Степка же любит тебя, все об этом знают.

– Что? – от этой новости я резко сажусь и тут же со стоном откидываюсь на подушки, как пулей простреленная болью. Сстиснув зубы, выбивающие чечетку, спрашиваю: – Какая... любовь... между... родственниками? Вы о чем?

Ужас волной накрывает меня и холодным потом проступает на лбу. О таком раскладе я даже не предполагала.

– О том самом, – Тетя Зина вытаскивает телефон и начинает в нем что-то искать. – Да и не родственники вы. Твоя мать – моя сводная сестра. Наши родители поженились, когда в каждой семье было по дочке. Смотри!

Она показывает наши совместные фотографии. На всех Степан рядом. Он, не отрываясь смотрит на меня, протягивает мне пальцы, когда выхожу из его машины, носит сумки, и даже поднял на руки весной, чтобы я не намочила ноги в огромной луже, разлившейся перед крыльцом подъезда.

– Но я думала, он заботится обо мне по-братски, – растерянно бормочу я.

– Ага! Ты дура, что ли, совсем, Женька! Он и дом налаживает для тебя. Цель поставил: как только завершит стройку, сделает тебе предложение.

– Замолчите! – вылетает из глотки приказ, и тетка застывает на полуслове.

От шока закрываю глаза. Не могу больше слушать ее свистящий шёпот! Не хочу! Мне не нужен ни Степан, ни его деньги! Совсем! По-иному я планировала свою жизнь.

– Жень, ты чего? – тетя трогает меня за плечо. – Я думала, ты знаешь, просто в недотрогу играешь. Да и мама твоя только рада. Мой сын – хорошая партия.

– Это вы называете хорошей партией? – откидываю одеяло и показываю ей тело, закованное в гипс.

– Всякое бывает, – смущается тетка. – Просто Карлуша последней сволочью оказался и решил позабавиться, отомстить, гаденыш, да не вышло. Он уже получил своё. Ой, Женька! – вскрикивает она, словно что-то вспомнив, и опять начинает плакать, буквально захлебываясь слезами.

Но чувство жалости к ней и ее сыну испарилось, вот только что сжигало душу, а теперь его нет. Я смотрю на тетку с ненавистью.

Обман! Везде обман!

Мне самой хочется выть в голос. Такая тоска разливается по сердцу, хоть ложись и помирай. Просто так, по прихоти какого-то отморозка разбили мою размеренную жизнь вдребезги. Теперь я пропущу выпускные экзамены, не получу диплом, и потрачу лишний год на учебу, так как придется брать академический отпуск.

Слёзы катятся по щекам, я сердито размазываю их по лицу. Неужели сестры давно спланировали поженить нас со Степаном, и мама специально отправила меня в Москву? Как она могла отдать родную дочь в руки бандита, даже не предупредив? Или она не знает, чем он занимается?

Ответов на эти вопросы не было. Мы плакали вместе, но каждый горевал о своём. Я выла от вернувшейся физической боли и убийственной новости, еще не зная, что через несколько минут меня ждет вторая, а почему ревела тетка, оставалось загадкой. Неужели я ей так близка?

Наконец запас слез истощился у обеих. Мы вздохнули, и тетя впервые посмотрела мне прямо в глаза. Я видела, что она хочет что-то сказать, но не решается.

– Тетя Зина, а почему Степан не пришел? Ему же надо рассказать, что задумал Карлик.

Исходя из логики ее слов напрашивается простой вывод: если братец меня так любит, как говорит его мать, должен дневать и ночевать у моей кровати.

Красивое лицо тетки опять искажается гримасой, видно, как она с трудом держит себя в руках. И вдруг оглядывается на дверь, вскакивает со стула и тяжело опускается передо мной на колени.

– Женя, Женечка, спаси моего дурака! Умоляю!

И столько боли в ее голосе, что во мне все леденеет. Я смотрю на кудряшки, подпрыгивающие на шее от рыданий, а в душе растёт плохое предчувствие.

– Тетя, встаньте! Немедленно! Вы слышите?

Она поднимает грузное тело и без сил падает на стул. От красивой цветущей женщины остаётся оболочка с размазанной вокруг глаз и губ косметикой.

– Степку арестовали, – шепчет едва слышно она. – Он ночью... он... – слова прерываются рыданиями, – он Карлика нашёл и зарезал...

Тетка замолкает, и в палате устанавливается такая тишина, что слышно, как разговаривают на посту медсестры. Где-то там течёт нормальная жизнь: люди болтают о пустяках, смеются, ходят на работу, влюбляются... А у меня она медленно, но верно катится в пропасть, и остановить это падение я не в силах.

– А чем я могу помочь? – сиплю и закашливаюсь, в горле мгновенно пересыхает.

– К тебе придёт полиция, не рассказывай подробностей о случившемся, умоляю!

– Но как я могу молчать? Какая от этого польза Степану? Карлик уже не оживет!

– Сейчас сына арестовали по статье «Причинение смерти по неосторожности». Степан защищался и превысил меру защиты. Ножи были в руках у обоих. А если ты расскажешь правду, он пойдёт по совокупной статье и сядет на пятнадцать, а то и больше лет. Женька, мой дурак за любимую мстил! Не будь стервой, прошу! Нельзя допустить, чтобы полиция связала вместе нападение на тебя и убийство Карлика! Нельзя!

– Но... – судорожно вдыхаю, кажется, я забыла, как нормально это нужно делать. – Там работают не дураки. Одна семья, одна ночь, одни и те же люди. Таких совпадений не бывает.

– Женька, хоть ты мне не рви душу! – тетка с грохотом падает на колени. – Я для тебя все... Только помоги!

Вот так я и оказалась между двух огней.

Чужая проблема ударила наотмашь и легла ответственностью на плечи. Если расскажу следователям правду, погублю Степана и отплачу чёрной неблагодарностью тетке за приют и

гостеприимство. А если промолчу, брат (или уже не брат?) может принять мою жалость за... любовь.

Б-р-р-р! Я этого не хочу! Совершенно! Ни грамма! Никогда и ни за что!

В больнице я пролежала три недели. Насильник сломал мне два ребра, а один обломок сместился, когда я бегала по подъезду, и упёрся в легкое, поэтому пришлось делать операцию. Шатаясь, вышла на свежий воздух и замерла: вокруг уже вовсю бушевала весна. Я стояла на крыльце стационара, подставив лицо тёплому ветерку, и казалось, что эта история мне приснилась.

Не приснилась, увы!

Несмотря на уговоры и причитания, я ушла из дома тетки в общежитие к Маше. Преодолевая слабость, усталость и давление окружающих, все же сдала экзамены вторым потоком и получила диплом профессионального маркетолога.

Параллельно тянулась череда визитов в полицию. Следовательно, приятный молодой человек в очках, все допытывался, видела ли я, кто на меня напал?

– Ну, Евгения, как вас по батюшке? – он заглядывал в документы и весело продолжал: – Викторевна. Скажите мне, кто на вас напал?

– Не видела, – отвечала раз за разом, хотя я парня все же узнала: это был тот самый любитель «Ролтона», который торчал в магазине поздно вечером. Достаточно было просмотреть запись с камеры, чтобы дело раскрылось без проблем, но я молчала. – Он схватил меня сзади, а потом я потеряла сознание.

– Но вас нашли на земле с кирпичом в руках. Кого собирались прихлопнуть?

Следователь откидывал голову и смеялся своей шутке, я невольно улыбалась тоже.

– Не помню. Ничего не помню.

В последний раз меня вызвали подписать документы, потому что мое дело закрылось из-за отсутствия улик. Я выполнила необходимую процедуру и встала, но следователь пригласил меня к столу в углу кабинета, где исходил паром чайник.

– Странное происшествие, – он налил две чашки чая. Вам так не кажется?

– Нет, – я пожимаю плечами и смотрю на дверь, мечтая сбежать.

– Ну, как же! Жертва ничего не помнит, улик нет, а место преступления затоптано мужской обувью, словно там целая толпа развлекалась. Да и медики скорой рассказали, что вы кричали о какой-то банде. Нападавших было много? Сколько человек?

– Не знаю, – твержу я. – Словно белый лист перед глазами.

– Пейте чай.

Парень посмотрел на меня поверх круглых очков и подмигнул, я смущенно улыбнулась, взяла чашку. И в этот момент он провёл пальцем по моей ладони.

Паника ударила в голову. Я вскочила, как ядовитую змею отбросила чашку, попав в следователя, и схватилась за шею. Попыталась втянуть ноздрями воздух – не получилось. Распахнула рот – ни звука не вылетело наружу.

«Умираю? Господи! Я умираю! Помогите!» – звенел в голове крик, но никто его не слышал.

Как безумная заметалась по кабинету, опрокинула стул, упала и стала рвать на блузке пуговицы, чтобы освободить горло...

Это был первый приступ паники.

А теперь они сопровождают меня по жизни, повторяясь с завидной регулярностью, как только ко мне проявляет интерес мужчина, или мое тело чувствует другую опасность. Я научилась с приступами бороться, но полностью избавиться от них не могу.

Единственный выход – держаться подальше от скопления людей, в чем я и преуспеваю последние пять лет. Степана я спасла, он получил шесть лет тюрьмы, но в дом тетки не верну-

лась. Первое время искала своего спасителя, но из той больницы, куда его доставила скорая помощь, его забрали родные. В столе справок строгая медсестра отказалась выдать информацию тощей девчонке болезненного вида.

– Плюнь ты на эти поиски, Женька! – успокоила меня Маша. – Значит, небеса не хотят, чтобы вы встретились.

– А вдруг он...

– А вот об этом думать не надо! – категорично заявила Лина. – И вообще, девчонки, у меня через неделю свадьба. Я вас приглашаю! – она обняла нас за талии и закружилась. – Интересненько, кто из вас поймает букет невесты?

Букет невесты достался совершенно другой девушке...

Глава 7. Женя

Много времени утекло с той проклятой ночи, но последствия не дают жить полноценно. А главное, я, настороженная, пугливая, сама не верю в себя и свои возможности, ношу в каждом кармане баллончик с лекарством и сижу сутками у монитора, контролируя рекламные посты и создавая новые кабинеты.

Живу с постоянным страхом в душе. Так и чудится, что неприятности поджидают за каждым углом, а любой мужчина, встретившийся на пути, станет причиной очередного приступа.

Вот так и получилось, что я не могла решиться изменить свою жизнь. И это делают за меня подруги, тайком рассылая мое портфолио в богатые фирмы.

Узнав об этом, я кричу и возмущаюсь.

– Женька, ты пойми! – убеждает меня Лина. – В огромной компании нет тесного контакта с людьми и нет времени на глупости. Начальство далеко, ты будешь сидеть в своём закутке, генерировать и рисовать рекламные идеи, делать презентации.

Я киваю, соглашаясь с Линой.

– Да-да! – вторит ей Маша. – Пора тебе выйти уже из тени. А чтобы мужики обходили стороной, одевайся невзрачно, ходи в очках, никому не улыбайся, будь неразговорчивой буквой. Хотя бы на то время, пока не привыкнешь. Кто его знает, вдруг и вылечишься от приступов. Как случайно начались, так и пройдут.

С сомнением смотрю на Машу: права ли она? Спасёт ли меня камуфляж?

– А вот этого не надо! – возмущается Лина. – Ты ее еще бабкой сделай.

Точно! Бабкой в двадцать шесть лет становиться рановато.

– Но... а если по-другому никак?

– Ты моего Глеба боишься? – хватает Линка меня за плечи и встряхивает.

– Н-нет. Не знаю, – прислушиваюсь к себе.

И правда, ни разу не случилось приступа в присутствии мужа подруги. Может потому, что он смотрел только на неё?

– А в городском транспорте на мужиков реагируешь?

– Кажется, нет. Хотя... я так редко теперь куда-то езжу.

– Вот видишь! Тебя пугают только те, кто пытается завязать с тобой шуры-муры. От мысли прямого контакта твоё подсознание приходит в ужас. Ох! – Линка задумывается. – Может, мне надо было психологом стать, а не рекламщиком? Чувствуешь, как я твою натуру по полочкам разложила?

Что ж, в чем-то она была права. Приступ паники вызывали далеко не все мужчины. Чаще они казались мне расплывчатыми силуэтами без лиц и тел. А ещё я почему-то реагировала на давление тетки и звонки мамы, поэтому старалась свести к минимуму контакты с ними. Думаю, подсознательно винила их за все случившееся со мной, и ничего не могла с этим поделать.

– Ты молодец! – улыбаюсь Лине, чтобы прекратить бессмысленный разговор.

Я как тот алкоголик: под влиянием со стороны не изменюсь, как бы ни просили и не плакали близкие люди. Только самостоятельно принятое решение может направить по нужному пути.

– Не дрейфь, Женька! Мы тебя поддержим. Когда-то же надо менять жизнь.

И я принимаю судьбу, хотя и с трепетом. Ещё не факт, что меня возьмут на работу. Может, за пять лет вынужденного безделья изменился мир, и мои знания и навыки устарели. Но судьбе было угодно, чтобы задумка подруг неожиданно удалась: сегодня пришло смс от компании «Голдинвест», и мое сердце забилося часто-часто.

Прочитав письмо, тут же звоню Лине.

– Привет, получилось! Пригласили на собеседование! – кричу во все горло, и меня переполняет восторг.

Сама не ожидала, что так обрадуюсь.

– Куда?

– В компанию «Голдинвест».

– Ни фиги себе! Это надо отметить! – фыркает Линка.

– Вот когда примут на работу, обязательно отметим! – обещаю от всей широты души я.

– Давай ко мне. Собирать тебя будем.

Тут же радость сменилась неуверенностью и тревогой.

– А... кто дома?

– Не парься! Глеб на работе, а его мама в салоне весь день пропадает. Придёт поздно.

Лина не только москвичка, но и дочь преподавателей нашего университета. Ее жизнь в отличие от моей с рождения расписана по дням. Сразу после окончания вуза она вышла замуж за парня из своей среды, но не зазналась и до сих пор поддерживает связь со мной и Машей, хотя наши жизни успешными не назовёшь.

Мы долго выбираем наряд. Нужно, чтобы было простенько, но со вкусом, как говорила одна героиня в старом фильме. Лина настаивает на брючном костюме с двубортным жакетом цвета пыльной розы, а я смотрю только на строгую чёрную двойку с юбкой ниже колена.

– Приемную комиссию обаять надо, Женька, – кричит подружка. – А ты хочешь вырядиться, как монашка. Смотреть противно.

– Не смотри, – обижаюсь я. – Им мои знания нужны, а не сексуальность.

– Вот дура! Красивая баба всегда впереди идёт, попой покачивает, а мужики ей вслед смотрят и слюни пускают. А тебе и напрягаться не надо с твоей-то фигуркой и игривыми ямочками. Достаточно улыбнуться, и все кавалеры в обморок начнут падать и в штабеля сами складываться.

– Скажешь тоже! – смеюсь в ответ. – Я не баба, а специалист по рекламе. И потом, ты забыла о моей ситуации?

– Мать моя – женщина, а отец – мужчина! Что мне с тобой делать?

– Ничего. Помоги пройти собеседование.

Лина все же заставляет меня надеть брючный костюм. Он сидит идеально, я невольно люблюсь своим отражением. Подруга неожиданно дергает меня за волосы.

– Ты чего? – испуганно оборачиваюсь.

– Распусти хвост. А, тетеха! Пока ты сообразишь... я сама.

Она стягивает резинку, тяжелые локоны падают на плечи, и так легко становится голове, что хочется смеяться. Кажется, вернулась прошлая жизнь, где не было несчастья и приступов.

Лина делает шаг назад и смотрит на меня изучающим взглядом.

– Женька, ты очень красивая. Пора кавалера завести.

– Лин, – я расстегиваю жакет, очарование дня меркнет. Чёрный костюм – самое то, что просит моя душа. – Не поднимай эту тему, пожалуйста!

– Но также нельзя! Неужели не понимаешь! Ты словно заковала себя, на цепь посадила и для чего?

– Лина, я пойду?

Быстро переодеваюсь, хватаю сумочку и несусь к двери, но подружка обгоняет меня и становится впереди, раскинув руки.

– Не дури! Опять убегаешь от темы. Сколько можно о своём спасителе думать?

– Я не думаю, – отвожу глаза: не стану же я говорить подружке, что образ того парня постоянно живет в моей голове, ещё в психушку сдаст. – Его, наверное, уже и на свете нет. Сама видела, как они... ногами, потом ножом...

– Нет! Не рассказывай мне этот кошмар! – Лина закрывает ладонями уши. – Ничего не хочу слышать!

– Как пожелаешь, – пожимаю плечами, возвращаюсь в комнату и складываю чёрный костюм.

– Тогда в чем причина?

– Если бы я знала! Видишь? – поднимаю пакет. – Беру этот. Довольна? Спасибо за одежду, я побежала.

– погоди, а туфли! – всплескивает руками Линка. – Ты что, в кроссовках собралась идти?

Смотрю на ноги, и правда, обувь не для собеседования в крупную фирму. Лина открывает шкаф, где на полочках стоят коробки.

– Выбирай.

Но найти ничего не удаётся. Брендовые лодочки и босоножки на таком высоком каблуке, что с их помощью можно было соблазнять, но не искать работу.

– Ладно, надену свои балетки.

– Эти стоптанные калоши?

– Какие есть! Потертости подкрашу тушью для глаз. Никто и не заметит.

Лина подбрасывает меня до дома. Она ловко водит серебристый Порше, ни на минуту не прекращая болтовню со мной, перебранку с зазевавшимися пешеходами или водителями, посмевающимися попасться на дороге. Ездить с ней весело и... опасно. Но... адреналин кипит в крови, а возбуждение подруги передаётся мне. В салоне разливается вирусная попса, которую обе ненавидим, но сегодня мы в две глотки радостно повторяем за певцом:

– Я как Федерико Феллини,

Дайте Оскар этой богине...

Рингтон телефона я не слышу, только по вибрации догадываюсь, что кому-то нужна. На этот номер мне звонят четыре человека: мама, Маша, Линка и тетка. У Маши сегодня подработка в ресторане, с теткой я недавно поссорилась, Лина сидит рядом со мной. Не глядя на экран смартфона, кричу в трубку:

– Мамочка, у меня отличная новость!

– Я не мамочка, – отвечает мне хриплый голос Степана, от которого мурашки бегут по спине, – но тоже очень рад. Женька, как ты живешь без меня?

Телефон вываливается из одеревеневших пальцев и с глухим стуком падает на пол...

На этот раз приступ удушья такой сильный, что теряю сознание. Последнее, что слышу, дикий вопль Линки...

Открываю глаза и ничего не понимаю. На лице – кислородная маска, от руки тянется трубочка капельницы, рядом сидит заплаканная подруга и тычет пальцем в мой телефон.

– Где я? – трогаю Линку за руку.

Она вскакивает, бежит к двери и орет во всю силу своих легких:

– Доктор, Женька пришла в себя! —

– Лина, не можешь тише? – морщусь. – У меня даже уши заложило.

– Дура! Дура! Как ты меня напугала! – нисколько не стесняясь слез, бросается ко мне подруга. – Я чуть в аварию не попала.

Врач приемного покоя, куда привезли меня на скорой помощи, отключает кислород, вытаскивает иглу из вены, осматривает меня, только потом отпускает восвояси.

– Может, ей лечение назначите? – наступает на него Лина. – Вы посмотрите на неё! Когда-нибудь рядом не окажется никого, и что? Кранты? На тот свет?

– Лина...

– Простите, но ее проблема не связана с физическим здоровьем. Приступы удушья, вызванные панической атакой, лечатся в другом месте. Увы, душу уколами не спасёшь.

– Коновал! Дилетант! Двоечник! – выплевывает ругательства Линка, пока мы идём к машине.

– А что все-таки случилось? – осторожно спрашиваю я, все ещё не понимая такую бурную реакцию подруги. За последние годы должна была уже привыкнуть к моему состоянию.

– Как что? Позвонил этот козел, Степка, и ты сразу, без предупреждения отключилась, представляешь? Сразу! А ведь ты его не видела, он к тебе не прикасался, не приставал. Я чуть с ума не сошла!

– А он что? – переспрашиваю я и забываю закрыть рот от удивления.

Слова подруги не только вызывают шок, но и заставляют задуматься. Это новый поворот в моем состоянии. Получается... Не хочется думать о том, что следует из этого открытия.

– Кто? Степка? Разве я знаю? Не до него было, когда тебя спасала. Вот перед тем, как ты очнулась, как раз и смотрела, откуда он звонил.

Я вытаскиваю телефон, но вижу только незнакомый номер. Набираю его и с замиранием сердца долго жду ответа. Наконец сердитый мужской голос отвечает:

– Исправительная колония, дежурный...

Тут же жму на кнопку отключения звонка. Во мне все дрожит от напряжения и страха.

– Ну? Что там? – почему-то шепотом спрашивает Линка.

– Из колонии звонил.

– Фу! – подруга вытирает пот со лба. – Слава богу! Я думала, он уже вышел.

– Я тоже испугалась.

– Видишь, какую реакцию у тебя вызывает этот гаденьш только своим голосом. А если появится на горизонте?

О такой перспективе я не задумывалась, поэтому вздрогнула, живо представив Степана рядом со мной.

– Лин, запиши меня к психологу. Только к очень надежному. Надо что-то делать, согласна с тобой.

– Ура! Наконец-то созрела!

Это решение даётся мне с трудом. Рассказать постороннему человеку о своих проблемах – тот ещё квест. Нужно признаться, что я скрыла правду от полиции, за компанию подставить Степку, вызвать ненависть тетки, а может, и мамы.

Конечно, врач должен соблюсти медицинскую тайну, но все же... Жить потом в постоянном напряжении: а вдруг раздастся звонок в дверь, и за ней окажется наряд полиции? Тогда я из жертвы мгновенно стану соучастницей преступления. Выяснить в телефонной компании, что я в тот вечер звонила Степану – пара пустяков, а вот доказать, что не просила его о помощи – невозможно.

С этими мыслями я ложусь в постель под бдительным взглядом Маши, которая уже в курсе дневных приключений: Линка постаралась расписать все в мельчайших подробностях. И хотя устаю до чертиков от сомнений и постоянной рефлексии, утром просыпаюсь рано, не могу спать в такой волнительный день. Маша кормит завтраком, но от волнения еда в горло не лезет. Подруга складывает пальцы и неумело крестит меня.

– Пусть удача тебе улыбнется.

На остановке, как всегда, много народу. Что поделаешь, час пик, все спешат на работу. Пропускаю один автобус, другой, борюсь со страхом и не могу решиться войти, а время уходит. Ещё раз заглядываю в кошелёк. Нет, на такси потратиться не могу, иначе придётся сидеть без денег. Занимать у Линки – неудобно, она и так вчера меня опекала. А больше не у кого. Маша сама едва перебивается, а просить у тетки – ни за что! Не хочу опять попасть в кабалу.

Автобус выныривает из-за поворота, переполненный людьми. Глубоко вдыхаю и бросаюсь в толпу, как на баррикаду. Стараюсь попасть между женщинами и детьми, еле протискиваюсь в переполненный салон. Толпа сзади нажимает и вдавливают меня в окно. Так и еду

почти до нужного места, прижавшись лбом к стеклу и не оглядываясь. Хорошо, что форточки открыты, они и спасают от жары, иначе появлюсь на собеседовании мокрая от пота и буду чувствовать себя неловко.

«Надо было такси вызвать», – запоздало упрекаю себя, но в то же время и радуюсь: сумела преодолеть страх.

На перекрёстке водитель тормозит. Рядом с автобусом останавливается роскошная машина премиум класса.

– Мазерати! – восхищенно говорит кто-то.

– Где? Где? Покажите!

– У кого-то денег немеряно, – ухмыляется мужчина в шляпе, стоящий слева.

Кошусь на соседа глазом. Вроде бы приличный, но близко стоит.

Совсем рядом.

Шевельнусь, и задену его локтем.

Взглядом упираюсь в глянцевые бока авто, сияющие под лучами утреннего солнца.

«Мужиков вокруг нет! Нет! Нет!» – внушаю себе, и (о счастье!) опять переключаюсь на разговор пассажиров автобуса.

– Да разве увидишь, кто там сидит, сквозь эту тонировку?

– И то верно!

Тут в автомобиле со стороны пассажира опускается стекло. В окно высовывается сначала девичья рука, которая выбрасывает на асфальт огрызок яблока, а потом и сама девушка. Ее длинные волосы развеваются на ветру и падают на лицо. Она отбрасывает их и смеётся.

– Что она делает? – возмущаются соседи по автобусу.

– Богатым все можно!

Внезапно к красавице наклоняется водитель, что-то ей говорит, и стекло медленно едет вверх. Парень поворачивает голову, мелькает ёжик волос, волевой профиль, и я вскрикиваю...

– Девушка, что случилось? Вам плохо? – словно издали доносится визгливый голос.

– Конечно, плохо! Видите, как она побледнела.

– Водитель, остановись! Человеку дурно!

Шум и крики со всех сторон окружают меня, и я наконец прихожу в чувство.

– Все нормально. Не беспокойтесь.

Но автобус уже паркуется у обочины. Двери раскрываются, заботливые пассажиры помогают мне выйти. Я растерянно провожаю их взглядом.

И что теперь? Идиотка, в каждом случайном парне вижу своего спасителя. Прикладываю руку к области сердца: оно все ещё бьется, как бешеное. Ещё бы! Получило внезапно такую порцию адреналина от бестолковой хозяйки.

Трясу головой, прогоняя мелькнувший образ. У меня собеседование. Это на сегодня главная цель. Смотрю на часы: время ещё есть.

Оглядываюсь: в двух шагах от тротуара расположено кафе. Нужно прийти в себя. До здания компании всего несколько кварталов, дойду пешком, не опоздаю.

Заказываю кофе и сажусь за столик у окна, а мысли все крутятся, крутятся об увиденном.

Но как похож! Он или не он? Черт!

Наверное, не он. Я толком и не разглядела лицо своего героя. Маленькие фрагменты: темные волосы ежиком, чёрные глаза, китайская татуировка на шее, изображающая человечка: голова, кривые ручки и ножки. Я позже нашла ее в интернете и узнала, что она обозначает «огонь».

Отодвигаю рукав жакета и смотрю на похожее тату, которое специально выколола на запястье, чтобы напоминать себе об осторожности.

Черт, Лина сто раз права! Пора навестить психолога. Пора!

«Пойду на прием, если пройду собеседование, – даю себе обещание. – Точно! И избавлюсь от тату». На душе сразу становится легко. Хочется раскинуть руки, подняться на носочки и взлететь. Забыть! Забыть, как страшный сон, тетку Зину с ее сыном-бандитом, банду отмороzków и... моего спасителя.

Все, решено! Начинаю новую жизнь, все к тому идет. Впервые за пять лет я чувствую уверенность в себе и вижу свет в конце тоннеля.

Редкие капли дождя падают на стекло. Заглядываю в сумку. Черт, зонтик остался в прихожей! Кажется, новое начало пойдёт под проливным дождем.

Ничего, небесная вода смоев прилипшую грязь и очистит тело.

Отодвигаю пустую чашку, вскакиваю: вдруг успею добежать до Сити-центра, пока не начался ливень. Наклоняюсь за сумочкой и... замираю: мимо окна идёт мужчина в деловом костюме. Его голова скрыта под большим зонтом, я вижу только шею, а на ней знакомое тату.

Только что созданные планы новой жизни проваливаются в канализацию...

Глава 8. Женя

Что за утро сегодня?

Бегу к выходу и несусь за мужчиной, уже не обращая внимания на дождь. Человек уверенно шагает впереди, разговаривая с кем-то по телефону через наушники. Одна рука занята зонтом, в другой – переноска для кофе на четыре стакана.

Вот мужчина останавливается – тоже замираю, а сердце в груди, кажется, выскользнет из клетки рёбер и запрыгает по дороге. Незнакомец идёт дальше – я за ним. Вдруг он поворачивается – налетаю на него и отпрыгиваю.

– Девушка, вы что-то хотите?

Сквозь очки без оправы на меня смотрят строгие глаза взрослого мужчины. Его виски тронуты сединой, подбородок украшает аккуратная щетина.

Делаю несколько шагов назад. Дыхание сбивается, нащупываю в кармане баллончик.

– Простите. Случайно вышло. Простите!

Огибаю мужчину и, красная от неловкости, несусь дальше. За углом прижимаюсь к стене и брызгаю в рот лекарство.

Что со мной? Приступ неуверенности? Нежелание идти на собеседование? Боязнь получить отказ или свалиться в обморок?

Катастрофа просто!

Нет, точно пойду к психологу. Дважды за утро так обознаться – перебор. Крыша едет, не иначе!

У Сити-центра обычная утренняя суэта. Бегут на работу сотрудники, торопятся курьеры, а огромный холл наполнен посетителями. Они сидят в креслах и на диванах, заполняют какие-то бланки. Подойти и получить информацию не смею: дышу и так поверхностно и часто.

Я остаюсь у панорамного окна, пытаюсь понять, как действовать дальше. Осматриваюсь и в глубине холла вижу стойку регистрации для кандидатов на вакантные места. Вспыхиваю от радости, кроме трёх девушек в одинаковой форме, за стойкой никого нет.

Расправляю плечи и шагаю к ресепшн, но спотыкаюсь, ноги отказываются идти дальше: тот самый мужчина подходит к улыбчивым девушкам и протягивает им переноску с кофе. Издалека вижу, как они весело благодарят его. Неужели он тоже работает в этой компании? И как понимать его тату? Совпадение?

Возвращаюсь к окну. Ничего не могу с собой поделать, чувство тревоги растёт и ширится в душе. «Может, ну ее, эту фирму?» – появляется малодушная мыслишка. С голоду не помираю, а к одиночеству привыкла.

Но додумать не успеваю: в кармане вибрирует телефон. На экране озабоченное лицо Линки.

– Ты как? Уже прошла собеседование? – с налету спрашивает она.

– Что ты! Надо сначала зарегистрироваться.

– И что мешает?

Рассказываю подруге о двух утренних конфузах, не спуская глаз с ресепшн. Вот элегантный мужчина машет рукой регистраторшам и идёт к лифту. Ура! Есть шанс успеть вовремя!

– Лин, я побежала.

Срываюсь с места и несусь к стойке. Вдруг мне наперерез кто-то выскакивает. С разбегу вырезаюсь в него головой. Попадаю в плечо, настолько незнакомец высокий. Он взмахивает руками, и пачка листов взлетает в воздух.

– Какого лешего? – рявкает мужчина и отталкивает меня.

– Грубиян! – вспыхиваю я, отшатываюсь и чуть не сваливаюсь на пол, но парень хватает меня за локоть.

– Стоять! От грубиянки и слышу! И кто теперь это собирать будет?

– Подумаешь, листочки!

Фыркаю я, быстро приседаю и собираю бланки. Успеваю заметить, что это анкеты кандидатов на вакантные места.

– То-то же! – ворчит незнакомец, помогая мне.

Не глядя на него, сую собранные листочки ему в руку, бегу к стойке, получаю свой номер и, поймав презрительный взгляд красавицы за монитором, прячусь в туалете.

Смотрю на отражение в зеркале и не узнаю эту странную девицу с мокрыми, растрёпанными волосами и размазанной по лицу дешевой косметикой. Но удивительное дело, на душе становится спокойнее, словно, получив хорошую физическую и моральную встряску, я прихожу в себя.

А самое странное – несмотря на грубость незнакомца, его прикосновение, мое тело никак не отреагировало. Наоборот, дыхание выровнялось, а настроение поднялось, словно я вырвалась на миг из темницы и глотнула воздуха свободы.

Умываюсь, сушу волосы горячим воздухом, собираю их в пучок на шее. Лина меня бы убила за такой непрезентабельный вид. Рядом прихорашиваются две девушки. На их жакетах тоже номерки с цифрами.

– Ты в какую аудиторию? – спрашивает меня одна.

– В двести первую.

– О, мы тоже. Покажи номер, – достаю из сумки бейдж. – Ты за нами. Давай держаться вместе! Какой вуз оканчивала?

Девушки возвращают меня в реальную жизнь. Вместе и ожидание в очереди становится не таким томительным. Прислушиваясь к разговорам, я с ужасом понимаю, что без стажировки и практики все забыла, чему учили в университете, хотя и получила диплом с отличием.

– Слышали, – прибегает одна из девушек, которая уходила пообщаться с другими кандидатами, – будет структурированное интервью.

«Только не у меня! – появляется отчаянная мысль. – Я обязательно провалюсь!»

– Ура! У нас есть шанс, – шепчет вторая девушка.

– Почему? – смотрю на нее, а в голове крутится: «Надо уходить. Мне здесь делать нечего».

– При таком собеседовании задают массу вопросов, потом подсчитывают баллы за ответы. Кто больше набрал, того и принимают на работу.

– Ага! Личное впечатление не влияет. Посмотри на тех красоток, – девушка дергает меня за рукав. – Нас рядом с ними даже не заметили бы.

Действительно, изящные модели, демонстрирующие бесконечные ноги, сидели обособленно и ни с кем не общались. Чуть поодаль держались кучкой и молодые люди.

– Эти ребята тоже маркетологи? – спрашиваю девушек. – Не будем ли мы рядом с ними людьми второго сорта?

– Не обязательно. Мальчишки хороши как разработчики, а у девушек фантазия богаче, образное мышление лучше. У каждого свои достоинства и недостатки. Не парься, все решит сумма баллов.

Я приободряюсь и решаюсь дойти до конца. Даже, если не возьмут на работу, в следующем резюме можно указать компанию, в которую я устраивалась, и количество баллов. Это будет плюсом.

Дверь аудитории раскрывается, и секретарша выкрикивает номера:

– Сто пятнадцать, сто шестнадцать, сто семнадцать.

– Это мы!

Девушки вскакивают и радостно бегут к ней.

– Номер сто семнадцать есть? – в полной тишине секретарша оглядывает кандидаток. Мое сердце начинает бешено колотиться. – А сто восемнадцать?

– Я... – голос хрипит. – Я здесь, – говорю громче.

– Заходите.

В большой аудитории стоит длинный стол. Напротив него – несколько стульев для кандидатов. Я сажусь на краешек последнего, ловлю на себе равнодушный взгляд мужчины с седыми висками, на которого налетела на улице. Черт! И этот здесь! Узнал или нет?

А, какая теперь разница? Расправляю плечи и придвигаюсь ближе к спинке. Муж Лины, объяснял мне, что манера садиться – это тоже тест. Если человек пристраивается с краю, он не уверен в себе, нерешителен и не способен самостоятельно мыслить. Такой сотрудник хорош в выполнении поручений, но не в творческой работе.

Сначала идут стандартные вопросы. Мы отвечаем уверенно, и опять я в проигрыше: у девушек есть опыт и практика в отличие от меня. Но порог страха я уже перешла, поэтому говорю спокойно, глядя прямо в глаза. Терять мне уже нечего.

– Анна Николаевна, помощь нужна? – слышу знакомый голос и оборачиваюсь.

От двери к столу жюри идёт грубиян из холла. Ему лет тридцать, и он явно увлекается спортом. Мощные бицепсы и трицепсы бугрятся под рукавами белой рубашки, а грудные мышцы натягивают жилет.

– Отлично. Быстрее справимся, – отвечает худошавая дама – настоящий синий чулок по виду. Одни квадратные роговые очки вызывают дрожь в коленях.

Грубиян вешает на спинку стула пиджак, который нес в руке, кивком здоровается с присутствующими и садится. Я замечаю, что галстук в тон запонкам застегнут золотой булавкой, и в ее центре сияет камень.

«Выпендрожник! Мажор!»

Но его голубые глаза смотрят в упор и насмешливо. Парень явно не из простых служащих,

– Девушки, назовите ваше самое сильное качество характера, – просит он, рассматривая наши резюме.

– Умею терпеть, – отвечаю сразу, но упираюсь ладонями в стул, не давая себе сорваться и сбежать.

– Терпеть? – переспрашивает грубиян и отрывается от бумаг.

Его брови удивленно ползут вверх, а голубой взгляд упирается в меня. Он скользит по фигуре, заставляя меня ещё больше нервничать, и вдруг застывает...

Я в панике опускаю глаза: что он там увидел? Рваные колготки? Нет, я их не надевала, слишком жарко. Грязную обувь? Тоже нет, протерла в туалете, когда умывалась. И тут замечаю, что рукав моего жакета задрался, и теперь хорошо видна татушка на запястье. Неужели в этой компании такой строгий дресс-код для женщин?

Тогда я точно не пойду! Быстро одёргиваю рукав и с вызовом задираю подбородок.

– Да, я умею терпеть. Долго.

– Странное сильное качество, – теряет ко мне интерес качок и опускает глаза в листочки.

– Обычное, – пожимаю плечами. – Чтобы создать рекламный продукт, нужны не только талант, знания и время. Без терпения ничего не получится.

– А ведь она права, не так ли, Тимур Антонович? – Анна Павловна смотрит на мажора и слегка улыбается уголками губ.

В голосе «синего чулка» чувствуются подбострастные нотки, а симпатия с ее стороны так и льётся медовой патокой. «Ничего себе! И в этой компании ловелас нарисовался», – делаю неприятное открытие и нервно оглядываюсь на дверь, которая так и манит глянцево-створкой с дорогой отделкой.

– Тогда какое ваше слабое качество? – поднимает голову Тимур, а вся комиссия смотрит на меня с любопытством.

Так, все ясно. Начальник здесь он. Хорошо это или плохо, не догадываюсь, но отвечаю:
– Терпение.

– Опять?

– Да. Мне трудно свернуть с намеченного пути. Думаю, бы была менее терпеливой, жила бы легче.

Улыбаюсь: это абсолютная правда, и ловлю на себе удивленный взгляд мажора.

– Именно потому вы пять лет не работали? Искали достойное место?

Девушки с тревогой смотрят на меня: им непонятно, почему о них забыли, а я не знаю, что ответить. Не стану же рассказывать о своей ситуации и затяжной депрессии, которая привела к тому, что все мужчины в мире стали казаться мне врагами.

– Для хорошего дела нужно созреть.

Дружный хохот разряжает атмосферу. Менеджеры переглядываются и что-то отмечают в оценочных листах. Только качок не улыбается, наоборот, мрачнеет.

– И как? Ягодка созрела?

В его вопросе слышится издевка, хочется на него ответить дерзко, но я сжимаю зубы.

– Д-да.

А в голове растёт паника. «Беги отсюда! – вопит она. – Здесь живет зло! Зло! Зло!» Вцепляюсь руками в сиденье, пытаюсь удержать непослушное, готовое рвануться к двери, тело.

– Тогда ответьте мне, – он смотрит в резюме, – Евгения, на профессиональный вопрос: «Как убедиться, что счетчик Яндекс. Метрики / Google Chartists работает корректно?»

Я зависаю и понимаю: это конец. На что я рассчитывала, идя в такую огромную компанию? Зато расслабляюсь и выпрямляю спину. Можно уже не волноваться: собеседование я благополучно провалила.

– Можно я скажу! – тут же поднимает руку моя соседка.

– И я! – выкрикивает вторая.

– Пожалуйста, – качок теряет ко мне интерес.

Я вижу, как к нему наклоняются менеджеры и о чем-то говорят. На их лицах написано недовольство. Что это? Он задал неуместный вопрос? Или этот говнюк развлекается, пользуясь своим положением?

Все мужчины – сволочи! Кроме моего спасителя...

– Ввести в строке браузера «адрес_сайта/?_ym_debug=1» и проверить отправку данных в консоли JavaScript, – хором тараторят девушки.

– Ответ неверный, – неожиданно говорю себе под нос и вздрагиваю от звука собственного голоса.

– Почему?

Глаза экзаменаторов сосредоточены на мне, и я опять начинаю нервничать.

– Потому что нет такого счетчика.

– Как нет! – охает соседка справа.

– Ой, точно нет! – поникшим голосом отвечает вторая. – Есть счетчик Яндекс. Метрики / Google Analytics.

– Спасибо всем, – усмехается Тимур Антонович и поворачивается к секретарше, которая сидит за отдельным столиком и быстро печатает: – Мария Игоревна, пригласите следующих.

– Девушки, за мной.

Секретарша провожает нас в отдельный кабинет, суёт в руки бланки с вопросами и уходит. Ещё полчаса я вытаскиваю из головы ответы, но пишу машинально, понимая, что провалилась самым бездарным образом. В спальный район, к тетке, в ее Мини-маркет – это теперь моя дорога.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.